

Р. Ле Жан

КАРОЛИНГСКИЕ ЭЛИТЫ И КОРОЛЬ В СЕРЕДИНЕ IX ВЕКА: СТАТУС И ВЕРНОСТЬ

Статья посвящена проблеме политических теорий, существовавших в Каролингской империи IX в. Анализируются церковная и светская концепции политической власти и принципов ее функционирования. Первая сформировалась в кругах каролингского епископата и обосновывала предустановленную Богом иерархическую организацию общества, в основе которой лежит безусловная верность элит королю. Вторая существовала в среде светской аристократии, предполагала существование естественной иерархии и отстаивала право элит на неподчинение королю-тирану.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, политическая мысль, элиты

В 851 г. короли Лотарь, Людовик и Карл заключили в Мерсене *convenientia*, то есть соглашение, которое заново связывало королей и их верных людей узами побратимства. Пруденций из Труа в Сен-Бертенских анналах приводит это соглашение, в последней главе которого мы встречаем такой пассаж:

«И если кто-либо из подданных, в каком бы сословии [*ordo*] и положении [*status*] он ни находился, уклонится или отречется от соглашения, либо воспротивится этому общему решению, то владетели [*seniores*] со своими верными людьми чистосердечно, по праву, в согласии с Божьей волей и справедливостью, будут настаивать на его [соглашения] соблюдении, желает или не желает этого тот, кто воспротивился и противоречил Божьему совету, этому решению и согласию. И если один из владетелей уклонится или отречется от соглашения, либо воспротивится этому решению, которое мы будем соблюдать в соответствии с волей собрания многих наших владетелей и первых людей королевств [*regnum primores*], и будет в том упорствовать, мы постановляем во славу Бога, по совету владетелей, которые следуют этому соглашению, по воле епископов и по общему согласию [*consensus*], что тот будет принужден, как и должно.

Режин Ле Жан, профессор университета Париж I Пантеон-Сорбонна.

И в знак того, что мы сами будем соблюдать, с Божьей помощью, твердо и нерушимо статьи [этого соглашения], и чтобы у вас не возникло сомнений, что мы будем твердо им следовать, мы собственноручно [их] подписываем»¹.

В сжатом виде здесь изложена каролингская политическая теория на пике ее развития в середине IX в.: решения (*decretum*) принимаются сообща (*commune consensus*), по взаимному согласию, которое связывает всех участников (*convenientia*), согласно Божьей воле, праву и справедливости. Это – теория государства, которое больше не воплощается исключительно в персоне короля, как это было еще несколькими десятилетиями ранее при Людовике Благочестивом, но которое, проистекая от Господа, стоит выше отдельных людей, распространяется на всех и вовлекает представителей высшей знати в сферу королевского служения². Речь идет об укреплении концепции *ecclesia*, священнической версии христианского имперума, проецирующей образ иерархически организованного христианского общества, во главе которого, согласно патриархальной модели, стоит каролингский король, ответственный за мир и порядок. Каролингская политическая иерархия обозначена предельно ясно: все свободные люди обязаны сохранять верность королю и подчиняться сообще принятым решениям, независимо от своего сословия и положения. Но *seniores* должны играть особую роль, они занимают высшую ступень иерархии, поскольку непосредственным образом вовлечены в управление королевством. Таким образом, вместе со своими верными людьми они обязаны претворить в жизнь решения, принятые сообще в Мерсене, вопреки тем, кто будет этому противиться.

Если использовать термины социологии, *seniores* образуют правящую элиту королевства. Как представители элиты, они выполняют функцию передаточного механизма, посредников между королем и местными структурами, к которым они принадлежат вместе со своими приближенными (*fidèles*)³. Вместе с тем в тексте Мерсенского соглашения, подобно другим каролингским текстам того же времени, между строк ставится важнейший вопрос о верности тех же самых элит, которые способны не подчинить-

¹ Annales de Saint-Bertin. P., 1964. P. 63.

² Tresp E. Studien zu den Gesta Hludowici imperatoris des Trierer Chorbischofs Thegan. Hannover, 1988.

³ Об элитах эпохи раннего Средневековья см.: Les élites au haut Moyen Age. Crises et renouvellement. Turnhout, 2006; Les élites et leurs espaces. Turnhout 2007; Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100). Turnhout 2008. Также см.: Devroey J.-P. Puissants et misérables. Système social et monde paysan dans l'Europe des Francs (VIe-IXe siècles). Bruxelles, 2006. P. 201-264; Innes M. Charlemagne's Government // Charlemagne. Empire and Society. Manchester, 2005. P. 71-89.

ся королевской власти¹. На самом деле соглашение предусматривает, что тот, кто его создал, будет подчиняться суду франков посредством общего собрания королевства, которое включает в себя большое число верных высшей знати людей, первых лиц королевства и епископов, согласно процедуре, применяемой в случаях восстания или измены². По сути, вопрос верности высшей знати, которая, в свою очередь, обуславливает верность их *fideles*, в действительности относится к проблеме оснований королевской власти и, особенно, к вопросу о статусе *seniores*.

Каролингские Зеркала IX в. показывают иерархическую социальную конструкцию, во главе которой стоит король и которая целиком основывается на верности. В сочинении *De institutione regia* Иона Орлеанский вновь обратился к геласианским идеям о двух властителях, которые управляют Церковью, телом Христовым, а именно о священнике и короле. Он утверждал, что король получает свою власть от Бога и что верность королю превосходит все другие формы верности, одновременно объединяя их³. Немного позднее, в *Via regia* Смарагд Сен-Мишельский представляет короля как посредника между Богом и людьми, как истинное отражение Бога⁴. Все формы иерархической верности должны, таким образом, восходить к нему, именно с их помощью государство объединяет в единое целое локальные силы. Для церковных теоретиков, которые составляли Зеркала, основания каролингского королевского верховенства восходят к Богу, который легитимирует Дом Каролингов и королевскую власть, а затем король легитимирует путем делегирования власть правящей элиты и ее место в обществе.

Seniores являются, таким образом, уполномоченными короля⁵, они получают от него свой статус, они связаны с ним клятвой верности, представляют его перед свободными людьми, приносящими им клятву верности королю⁶. В трактатах и капитуляриях именно эта внутренняя связь легитимирует положение правящих элит и гарантирует королевству стабильность, а обществу благополучие.

¹ Об этом см. работы Стюарта Эрли, прежде всего: *Airlie S. Charlemagne and the Aristocracy. Captains and Kings // Charlemagne. Empire and Society. P. 90-102.*

² *Brunner H., Schwerin C. von. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. München-Leipzig, 1928. S. 781.*

³ *Smaragde de Saint-Mihiel. Via Regia IV, 1 // PL 102. Col. 931-970, col. 941-942; Eberhardt O. Via regia. Der Fürstenspiegel Smaragds von St. Mihiel und seine literarische Gattung. München, 1977.*

⁴ *Jonas d'Orleans. Le métier de roi (De institutione regia). P., 1995.*

⁵ Мерсенское соглашение в другом месте обозначает их как *nostris seniores*.

⁶ О посреднической функции элит в отношении предоставления клятвы верности см.: *Innes M. Charlemagne's government. P. 80.*

Политические неурядицы, которые дестабилизировали авторитет королевской власти и нарушили отношения верности в 830-840-х гг., позволили углубить теоретические основания такого политического порядка. В VI главе Мерсенского соглашения читаем:

«Пусть наши верные люди (*fidèles*), каждый в своем сословии и своем положении, будут уверены, что отныне мы не будем ни осуждать, ни лишать чести, ни притеснять, ни преследовать кого-либо неправомерно, вопреки закону и правосудию, власти и справедливости; и мы призовем к себе тех, кто по-настоящему нам верен, чтобы созвать общий совет, согласно воле Божьей и всеобщему благу, для восстановления святой божьей Церкви и стабильности королевства, и во имя королевской чести и мира между людьми, соблюдение коих нам доверено; и пусть таким образом не только они не противостоят нам и не отказываются выполнять эти распоряжения, но пусть будут также верны нам и покорны, поддерживают и воистину содействуют нам добрым советом и искренней помощью в том, что мы постановили; и так должен действовать каждый по праву, в своем сословии и своем положении, по отношению к своему государю и своему сеньору»¹.

Тесно связанные с королевской властью, сеньоры должны служить королю и повиноваться ему, тогда как король, со своей стороны, обязуется уважать статус каждого.

Эта политическая теория, основанная на иерархической верности и договоре, на *convenientia*, является теорией, представленной епископами. Как люди освященные, представляющие сословие, которое определяет себя как высшее, они претендуют на то, чтобы естественным образом быть советниками и первыми лицами в королевском окружении². Эта теория не учитывала интересы других групп. Карл Лысый принял ее в 843 г. в определенных политических обстоятельствах, полностью восстановив впоследствии свое превосходство и власть. Но, вместе с тем, среди всех Каролингов Карл был наименее склонен к консенсусам и казнил многих мятежников. Без сомнения, он столкнулся со значительно более серьезными трудностями, нежели его братья, в частности, с аквитанской угрозой и норманнскими набегами, которые позволяли элитам дозировать и продавать свою верность. Король, таким образом, был вынужден жестко действовать в ответ и зачастую насильственно утверждать оспариваемую власть и свое «естественное» превосходство над элитами. Но отношение светских *seniores* к той идеологической конструкции, ко-

¹ Annales de Saint-Bertin. P. 62.

² Nelson J.L. Kings with Justice, Kings without Justice. An Early Medieval Paradox // La giustizia nell'alto medioevo (secoli IX-XI). Spoleto, 1997. P. 798.

торая причисляла короля к особому *ordo* и отводила клирикам первое место среди королевских советников, оставалось в высшей степени двусмысленным. Разумеется, было бы анахронизмом слишком жестко противопоставлять светские и церковные элиты, но ясно, что в середине IX в. церковная элита обрела определенную независимость мышления, а их теорию власти разделяли далеко не все светские аристократы, о чем свидетельствует большой мятеж 858 г. в Западной Франкии.

Этот непростой мятеж возглавила большая часть светской аристократии, которая не признала власть Карла Лысого, в то время как западнофранкский епископат во главе с Гинкмаром Реймским оказал королю поддержку¹. Ни один трактат не излагает ясно политические концепции правящих светских элит, кроме, может быть, одного исключения – «Наставления» Дуоды, которое часто ошибочно считают обыкновенным нравоучительным трактатом.

Супруга Бернарда Септиманского Дуода решила написать «Наставление» для своего сына Вильгельма между концом 841 и началом 843 г., когда она, по распоряжению супруга, пребывала в Юзесе, неподалеку от границ королевства. В то время юный Вильгельм находился при Карле Лысом, перед которым он должен был себя хорошо зарекомендовать. Я уже писала, почему считаю «Наставление» очень независимым и конъюнктурным политическим текстом, предназначенным, прежде всего, для защиты интересов Бернарда Септиманского и направленным против Карла Лысого². При Людовике Благочестивом Бернард стремительно возвысился и в 820-е гг. стал «вторым в империи», чем вызвал ненависть старшего сына императора – Лотаря. Он был подвергнут тогда опале со стороны императора, и его семья долго страдала от ненависти Лотаря. Бернард удалился в Испанскую марку, где его семья имела крепкие связи. После смерти Людовика Благочестивого он встал в Аквитании на сторону Пипина II против Карла Лысого, а после победы Карла был вынужден передать ему своего сына Вильгельма, в то время как сам остался в Аквитании³. В своем «Наставлении» Дуода придержи-

¹ *Le Jan R.* Elites et révoltes à l'époque carolingienne. Crise des élites ou crise des modèles? // *Les élites au haut Moyen Age*. P. 410-417.

² *Idem.* Dhuoda ou l'opportunité du discours féminin // *Agire da donna. Modelli e pratiche di rappresentazione (secoli VI-X)*. Turnhout, 2007. P. 109-128

³ О Бернарде Септиманском и его семье см.: *Chaume M.* Les origines du duché de Bourgogne. T. 1. Dijon, 1925. P. 531-547; *Calmette J.* La famille de Saint Guilhem // *Annales du Midi*. № 18. 1906. P. 145-165; *Levillain L.* Les Nibelungen historiques et leurs alliances de famille // *Annales du Midi*. № 49. 1937. P. 337-407; № 50. 1938. P. 5-52; *Bouchard C.B.* Those of my Blood. Constructing Noble Families in Medieval Francia. Philadelphia, 2001. P. 11-191; *Depreux Ph.* Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux. Sigmaringen, 1997. P. 224; *Settipani Ch.* Les Willelmides // *La préhistoire des Capétiens*. Deuxième partie (в печати).

живалась каролингской модели власти и иерархической верности, но она скрыто обосновывала систему легитимации правящих элит, совершенно отличную от той, что была изложена в королевских Зерцалах.

В действительности Дуода защищает «естественную» иерархию людей, которая проистекает непосредственно от Бога и передается по отцу. «Человек, – пишет она, – происходит не иначе как от отца, и никто не может достигнуть вершины [иерархии почестей] иначе как при помощи другой высокопоставленной (*summa*) персоны»¹. Вильгельм, как она пишет, получил свой статус в миру от отца (*ex illo tuus in saeculo processit status*). *Status* – это термин, который определяет юридическую и социальную идентичность индивида. Каролингские капитулярии предусматривали, например, что вопросы, касающиеся статуса и *hereditas* свободных людей, относились к компетенции королевского суда². Вопрос статуса затрагивался также в Мерсенском соглашении. Для Дуоды статус *seniores*, который определяет их положение и место в социальной иерархии, исходит не от короля, но дается по рождению, он отождествляется с *hereditas*, то есть с символическим капиталом и с достоинством, полученным через предков. Без этого высокого статуса, который достался ему от отца, а через него от всего его славного рода, Вильгельм был бы никем и не мог бы добиваться высших благ (*honores*), которыми король должен его наделить. Речь не идет лишь об обосновании общих принципов, ведь Дуода ясно подчеркивает, что предки Вильгельма были не только очень знатного происхождения, но ничуть не уступали каролингским королям, правившим в середине IX в. Как отметил Теган, Бернард Септиманский был *de stirpe regali*³: он и в самом деле вел свой род от Карла Мартелла, как и каролингские короли, и от Теодориха Рипуарского, который, вероятно, был связан с Меровингами⁴. В семье Вильгельмидов, таким образом, полагали, как об этом сообщает Дуода, что статус они унаследовали от предков, за которых Вильгельм должен был молиться, и, в этом ракурсе Бернард был по меньшей мере так же знатен, как Карл Лысый и Лотарь. Напоминая, таким образом, своему сыну, что он получил

¹ *Dhuoda*. Manuel pour mon fils III, 2. P., 1997 [далее – Manuel]. P. 141: [...] nullus nisi ex genitore procedat, non potest ad aliam et summam personam culmine peruenire senioratus.

² *Capitulare de iustitiis faciendis* (811-813). Hannover, 1883. № 80. С. 4. P. 176.

³ *Thegan*. *Gesta Hludowici imperatoris* с. 36. Hannover, 1995. S. 222.

⁴ Альда, бабка Вильгельма Септиманского, была дочерью Карла Мартелла и Хротруды. Вместе с тем он был кузеном Карла Великого со стороны своего отца Теодориха, чья бабка Хроделинда была, вероятно, сестрой Хариберта Лаонского, отца королевы Бертрады (*Settipani Ch. La préhistoire des Capétiens 481-987, Première partie: Mérovingiens, Carolingiens et Robertiens*. Villeneuve d'Ascq, 1993. P. 176). Иными словами, Вильгельмиды происходили также от Меровингов, на что указывают имена Теодориха, Хариберта (Хариберта) и Берты.

свой статус от отца, Дуода выполняет функцию, которая была характерна для женщин из знатных семей: передавать и сохранять семейную память и семейную идентичность¹. Вместе с тем она выражает притязания правящей элиты на то, чтобы участвовать в отправлении власти, основываясь на собственном происхождении, но также, без сомнения, на близости к Каролингам, с которыми она была связана². Каролинги, которые сами происходили из правящей элиты, и в самом деле выбирали себе жен среди той же элиты, чтобы создавать дружеские связи (*amicitia*), необходимые для укрепления верности. Мы соприкасаемся здесь с глубокой амбивалентностью каролингской политической конструкции.

Представление об обществе, свойственное, в том числе, и Дуоде, было «космическим», оно включало и объединяло два града. На вершине, господствуя над миром, стоит Бог, которому Дуода посвящает две первые книги своего «Наставления». Он есть Творец всего сущего, могущественный Король и высший Отец³. Как все христиане, Вильгельм должен почитать Его и любить больше, чем кого-либо другого. Затем Дуода оставляет Божественный порядок, чтобы обратиться к порядку человеческому, и в этом земном порядке важна не фигура короля, а фигура земного отца. Отцу небесному на самом деле соответствует отец земной. Дуода следует здесь второй заповеди, на которую ссылается также Иона Орлеанский в своем «Увещании короля Пипина», призывая короля любить и почитать своего отца⁴. Бернард, которому Дуода посвящает три главы III книги, бесспорно, является доминирующей фигурой «Наставления», обладающей властью в соответствии с ветхозаветной моделью. Вильгельм должен почитать своего отца (*reuerentia*), бояться его (*timere*), любить (*amare*) и быть верным ему во всем (*fidelis in omnibus esse*), как в его присутствии, так и когда его нет рядом, что бы ни случилось, следуя правилу, установленному Соломоном для своего сына. В глазах Дуоды Бернард, таким образом, идентифицируется с Соломоном, библейским царем, который чаще всего предлагался в качестве образца каролингским правителям, и в частности Карлу Лысому. К тому же Дуода приводит своему сыну библейские примеры сыновней покорности: Сим и

¹ См., например, о Кейле, супруге графа Аудульфа. – Цит. по: *Airlie S. Charlemagne and the Aristocracy...* P. 93.

² Имелись также многочисленные связи Вильгельмидов с итальянскими Каролингами: Вала, кузен Карла Великого, был женат на дочери Вильгельма Геллонского (вероятно, на Хродлинде), и, без сомнения, он женил Бернарда Италийского на Кунегонде, которая была внучкой Вильгельма Геллонского через своего отца Герберта (*Settipani Ch. La préhistoire des Capétiens* [Прим. 18]).

³ *Dhuoda*. Manuel II, 2. P. 125.

⁴ *Jonas d'Orléans*. Op. cit. P. 165.

Иафет, сыновья Ноя, Исаак, Иаков, Иосиф. Во всех случаях покорность отцу означает избавление от грозящих опасностей и успешное достижение высшей цели, а именно – обретения уважения в миру и самого высокого положения¹. Для Дуоды послушание и подобающее уважение к отцу есть первые добродетели, которым всегда должен следовать Вильгельм. Ему следует остерегаться любого неповиновения по отношению к отцу, даже если, как пишет его мать, «подобное злодеяние было на самом деле совершено многими людьми», которые, по счастью, не похожи на него². Подобно Ионе Орлеанскому, Дуода метит здесь в сыновей Людовика Благочестивого, чьи мятежи оказали сильное влияние на состояние умов, поскольку символизировали беспорядок, воцарившийся в королевстве и повлекший за собой гибель большей части семьи Бернарда. Кризис империи и кризис семьи Бернарда имели одни и те же основания.

После отца во плоти Дуода переходит к обязанностям по отношению к сеньору, с указанием (*admonitio*) о том, как должно себя с ним вести. В данном случае речь идет об одном из подлинных кратких сводов вассальной верности в контексте каролингской иерархии власти³. Сеньор Вильгельма – король Карл, которому его препоручили. Его власть представлена как дар и поручение Господа. За пределами той верности, которую следует соблюдать по отношению к отцу, только она легитимна, и избавиться от нее было бы преступлением, каковое, по мнению Дуоды, никто из предков Вильгельма никогда бы не совершил⁴. Это представление выглядит в высшей степени двусмысленным, поскольку Вильгельм должен быть, прежде всего, верным Карлу, но не потому, что тот является королем, а потому, что Вильгельм передан ему. Было бы логичным ожидать, что Дуода, если она уделяет внимание уважению установленного Богом порядка, представит своему сыну конструкцию, в которой различные формы верности гармонично взаимосвязаны и восходят к Богу через посредство короля. Однако главы, посвященные верности королю, говорят о другом. Дуода советует сыну служить королю и всем его родственникам, поскольку Бог «избрал их и предназначил для царствования»⁵. Здесь можно задаться вопросом, не относит ли Дуода семью Бернарда, которая имеет общее происхождение с Каролингами, к кругу королевских родственников? В любом случае она прямо защищает «естественную» иерархию, которая исходит непосредственно от Бога и воплощается в отце. Дуода заходит очень далеко в возвеличивании фигуры родителя.

¹ *Dhuoda*. Manuel III, 3. P. 143.

² *Ibid.* III, 1, P. 137.

³ *Ibid.* III, 4, P. 149-153.

⁴ *Ibid.* III, 4, P. 151

⁵ *Ibid.* III, 8, P. 169.

Она страшится увидеть однажды, что ее сын следует дурному примеру, то есть примеру сыновей Людовика Благочестивого, не повиновавшихся повелениям своего отца. В «Наставлении» можно прочесть несколько строк, отнюдь не представлявших собой общее место:

«Без сомнения, в глазах людей королевское или императорское достоинство и могущество торжествуют в этом мире: также в обычае у людей чтить, прежде всего, деяния и имена королей и императоров; их уважают, их власть опирается на превосходство их положения [...]. Однако, сын мой, вот моя воля: чтобы по совету моей ничтожности и по воле Бога ты не забывал бы с самого начала и на протяжении всей жизни служить верой и правдой (*obsequium*) тому, чьим сыном ты являешься»¹.

Верность и служение отцу стоят здесь впереди служения королю, хотя король также является сеньором Бернарда.

«Наставление», определенно, необходимо воспринимать в политическом и идеологическом контексте, в котором оно появилось. Это произошло в начале 840-х гг., и Дуода ни на мгновение не ставит под сомнение легитимность каролингской королевской семьи, избранной Богом. Верность королю, таким образом, вменяется представителям высшей знати, которая должна служить королевской власти². С этой точки зрения в «Наставлении» нашла отражение теория королевского служения, которую в 830-х гг. развивали Иона Орлеанский и другие епископы. Но эта теория также утверждает, что знать, которая обязана своим положением собственному происхождению, не может сохранять верность королю-тирану, который разрушает иерархию, установленную Богом, отдаляя сыновей от их отца. Таким образом, она имплицитно оправдывает право знати нарушать свои обязательства по отношению к несправедливому королю. Иона Орлеанский в «*De institutione regia*» не заходил столь далеко, хотя в VI главе он и ссылаясь на библейские примеры свержения королей, дабы обосновать, что «вред, причиненный вдовам и сиротам, несправедливые обвинения в отношении несчастных, жестокие приговоры и нарушение справедливости приводят к неизбежному упадку королевства»³.

Вопрос об участии неправедных королей, обвиняемых в тирании, регулярно поднимался в 830-850-х гг., в том числе и епископами⁴. Это привело к низложению Людовика Благочестивого в 833 г.⁵, но епископы

¹ Ibid. III, 2, P. 141.

² Ibid. III, 5, P. 53.

³ *Jonas d'Orléans*. Op. cit. VI, 25-30. P. 215.

⁴ *Nelson J.L.* Kings with Justice...

⁵ *De Jong M.* Power and Humility in Carolingian Society. The Public Penance of Louis the Pious // *Early Medieval Europe*. № 1. 1992. P. 29-52.

впоследствии решили, что король не может быть судим никем, кроме Бога. Светская аристократия, напротив, имела другую точку зрения, и тирания была поводом, который знать постоянно использовала для того, чтобы поднять мятеж и перейти от одного короля к другому¹. В данном случае политические и семейные обстоятельства побудили Дуоду, внешне сохранявшую уважение к королевской власти, требовать для своего сына права на неверность по отношению к королю, который покусится на основы христианского общества, восстанавливая сыновей против отца. «Наставление», сконцентрированное на фигуре отца, демонстрирует, таким образом, стагнацию политической системы в 830-840 гг. Неверность сыновей Людовика Благочестивого по отношению к своему отцу, последовавшие затем распри и братоубийственная война породили глубокую дезорганизацию и повлекли за собой конфликты, связанные с нарушением верности, отголоски которых слышны в «Наставлении». Кризис достиг апогея в 840-843 гг., когда Дуода писала свою книгу в Юзесе, «ожидая короля, на которого укажет Бог»². Кризис раздирал на части королевскую фамилию, он мог бы уничтожить знатные семьи. «Наставление» пытается разрешить трудности, с которыми должен был неминуемо столкнуться Вильгельм, предлагая ему последовательные и альтернативные решения: прежде всего, быть верным сеньору-королю, которого ему выбрал отец, и служить ему, но в случае (возможного) разрыва между королем и отцом, если король решит вредить отцу, Вильгельм должен предпочесть верность отцу верности королю³. Дуода также утверждает, что в условиях кризиса, порожденного раздорами каролингских принцев и пробуксовыванием политической системы, знать должна самостоятельно найти решение этих проблем, чтобы спасти общество от беспорядка. Это приведет могущественных сеньоров к тому, что они будут выбирать королей, как, например, в 879 г. избрали королем Нижней Бургундии графа Бозона, а в 888 г. – *reguli*⁴.

Для Дуоды статус и *hereditas* образуют единое целое, и это чревато последствиями, если принять во внимание, что *hereditas* формирует совокупность семейного символического капитала. Разумеется, этот капитал не застывший, он подвижен, всегда под угрозой раздробления на части из-за раздела наследства, но семьи применяют разные стратегии, чтобы его со-

¹ *Le Jan R.* Elites et révoltes... P. 419-422.

² *Dhuoda.* Manuel XI, 2, P. 370f.

³ Бернард Септиманский будет казнен в 844 г. по приговору, вынесенному по суду франков. – *Annales de Saint-Bertin.* P. 45.

⁴ *Airlie S.* Les élites en 888 et après, ou comment pense-t-on la crise carolingienne? // *Les élites au haut Moyen Age.* P. 425-438.

хранить, и состязаются в том, чтобы его преумножить. Система обмена (дарами), на которой в раннем Средневековье выстраиваются отношения господства, встраивается в неприкрытую борьбу представителей элиты за богатство. Известно, что такие формы обмена развиваются в обществах, где матримониальный рынок открыт (с учетом приданого супруги), где есть свободные богатства, где позиции в иерархии не являются неизменными. Чтобы упрочить свое положение, нужно брать и давать, при этом нужно давать больше, чем другие могут вернуть¹. Общество раннего Средневековья соответствует этим условиям: соперничество позволяет получать женщин, земли, полномочия (*honores*), а дары и расходы служат упрочению своего положения в иерархии². Нестабильность усиливает агонистический характер обмена. Она была максимальной в момент переселения народов и создания романо-германских королевств, и это нашло свое выражение в усилении соперничества³. Затем организация системы управления на уровне отдельных территорий, легитимация власти, опирающаяся на христианскую веру, и развитие центристических сил укрепили элиту и трансформировали соперничество во взаимодействие, выведя на первый план верность и *amicitia*. Циркулирование символического имущества способствовало упорядочению положения в иерархии, но легитимация места внутри элиты по праву рождения и укрепление королевской власти упорядочили соперничество. Безусловно, каролингский король, который держит свою власть от Бога, не подчиняет себе все силы на местах, но он укрепляет свое превосходство, контролируя циркуляцию символического имущества – *honores*, земель фиска и материальных ценностей, – что и обеспечивает легитимацию правящих элит. Он наделяет знать светскими и церковными полномочиями, землями фиска, богатством, которые передаются публично и торжественно и посредством которых он проявляет свою высшую власть. Каролингский король вмешивается также в матримониальный обмен, принуждая к бракам, наделяя женщин знатностью и издавая законы об инцесте. Используя все это, он стимулирует соперничество, которое гарантирует верность, и организует его вокруг своей персоны. Поэтому близость к королю (*Königsnähe*) является ключевым понятием в

¹ Mauss M. Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // Mauss M. Sociologie et anthropologie. 8ème éd. P., 1999. P. 143-273 (впервые опубликовано в: l'Année Sociologique, seconde série, 1923-1924. T. 1); Godelier M. L'énigme du don. P., 1996. Против: Testart A. Critique du don. Etudes sur la circulation non marchande. P., 2007.

² Negotiating the Gift. Pre-modern Figurations of Exchange / Ed. G. Algazi, V. Groebner, B. Jussen. Göttingen, 2003; Bougard F., Le Jan R. Introduction // Hiérarchie et stratification sociale.

³ Binford L.R. Mortuary Practices. Their Study and Their Potential // American Antiquity. № 26. 1971. P. 6-29.

каролингскую эпоху: правящие элиты нуждаются в короле, чтобы, подобно Бернарду Септиманскому при Людовике Благочестивом, графу Суппо при Людовике II Итальянском, Роберту Сильному или Балдуину Фландрскому при Карле Лысом, достигнуть самого высокого положения. В обмен на верность король демонстрирует щедрость, он дает больше, чем одариваемый может дать ему в ответ. Поэтому неудивительно, что каролингская идеология делает короля верховным распределителем богатств¹. Именно к этому образу апеллирует Ноткер Заика, описывая, как император Людовик Благочестивый каждый год накануне Пасхи одаривает всех, кто служит ему во дворце и при королевском дворе, в соответствии с их должностями: наиболее знатным достаются перевязи, оружие, дорогие одежды из императорской сокровищницы, менее могущественным – разноцветные фризские плащи; зрителям королевских конюшен и прудов, а также поварам – льняная одежда и короткие ножи для их ремесла².

На практике способность короля контролировать соперничество была связана с его возможностями возобновлять свой собственный капитал, чтобы подпитывать обмен дарами. В общем и целом, чтобы тратить и демонстрировать свою власть через дары, пиры и охоту, король должен был также получать и брать. Он брал у мятежников, конфискуя их имущество, брал у врагов в виде дани и грабежа. Тимоти Ройтер в свое время высказал предположение, что королевская власть была более устойчивой в восточной части Каролингской империи, нежели в западной благодаря дани, наложенной на славян³, но, без сомнения, нужно также подчеркнуть важность войны в структурировании и легитимации власти в Германии. Кроме того, король публично и торжественно принимал от представителей высшей знати ежегодные дары (*dona annualia*) и разного рода услуги, которые затем возвращались им же в рамках системы соперничества. С нашей точки зрения, дары (*dona*) представляют собой форму прямого налогообложения, но в системе конкурентного обмена эти подношения затем возвращались обратно в виде королевских даров, и это означает, что, отдавая больше других, представители высшей аристократии заявляли о своем месте в иерархии.

Между тем все символическое имущество не могло быть вовлечено в обмен дарами, что-то должно было сохраняться. Аннетт Вайнер выделила три категории имущества: имущество, имеющее стоимость, которое мож-

¹ Le Jan R. La société du haut Moyen Age. P., 2003.

² Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen II, 21. Berlin, 1959. S. 91f.

³ Reuter T. Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // Transactions of the Royal Historical Society 35. 1985. P. 75-94.

но полностью отчуждать и которое является предметом торгового обмена; ценное имущество, которое является объектом дарения и которое, будучи подаренным, образует долг, актуальный до тех пор, пока дар не будет возвращен; наконец, неотчуждаемое имущество, которое имеет отношение к групповой идентичности или к сакральности. Его следует сохранять, даже если представителям группы дозволено им пользоваться¹. В каролингском обществе *honores* составляли часть третьей группы, поскольку они не были имуществом, подобным любому другому: это было имущество власти, имевшее отношение к сакральности. Король получал его на хранение вместе с королевством, он его делегировал, но продолжал контролировать, решая, кому именно его передать. Поэтому после смерти своего обладателя *honores* возвращались к королю, а тот жаловал их кому-то другому. В своем «Наставлении» Дуода не ставит под сомнение право короля даровать сан и жаловать *honorati*, но, по ее мнению, сан исходит от Бога, как и другие богатства. Именно Бог их распределяет, поскольку он и внутри, и вовне, и сверху, и снизу. Далее этого она не заходит, но 20 лет спустя, в 864 г., ее второй сын Бернард Плантевелю посчитает возможным именовать себя графом Божьей милостью (*gratia Dei comes*)². Разумеется, это вновь происходит в совершенно конкретных обстоятельствах, поскольку Бернард Плантевелю почти всю свою жизнь оставался на положении чуть ли не мятежника. Но формула очень хорошо выражает развивающиеся в 860-880-х гг. вместе с системой титулов представления о том, что должности, как и статус, являются частью *hereditas* и передаются напрямую³. Титул *gratia Dei comes* начнет распространяться с конца 880-х гг., когда должности стали наследоваться, а представители высшей знати начали выбирать королей, не имевших отношения к каролингскому дому. Такое изменение отражает становление новой концепции иерархии, в соответствии с которой король и элиты образовывали единое целое и имели одинаковые обязанности: король отныне являлся первым среди равных (*primus inter pares*).

Десятилетия до и после 900 г. были временем большой политической нестабильности, которая выражалась в возрастании агрессивности. Конкурентная система постоянно порождала подстрекательство и насилие, но в IX в. каролингская власть ограничивала их, запрещая *файду* (межродовую вражду) и контролируя циркуляцию должностей и символическо-

¹ Weiner A. Inalienable Possession. The Paradox of Keeping-While-Giving. Berkeley, 1992; Godelier M. L'énigme...

² Lauranton-Rosaz Ch. Le roi et les grands dans l'Aquitaine carolingienne // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne au IXe siècle. Lille, 1998. P. 428.

³ Le Jan R. Femmes, pouvoir et société dans le haut Moyen Age. P., 2001. Ch. 12: La noblesse aux IXe et Xe siècles. Continuité et changements. P. 192.

го имущества. Политические смуты, внешние набеги и прогрессирующее ослабление королевской власти нарушили равновесие и нарушили обмен дарами, провоцируя действия, которые было невозможно контролировать на местах. Провокации епископа Соломона Констанцского в отношении графов Бертольда и Эрхангера в 890 г.¹, предумышленное убийство графа Мегингауда в 892 г. в церкви возле Ретеля и фэйда, которая за этим последовала², убийство Рауля, сына графа Балдуина I, Гербертом I Вермандау в 896 г. и последовавшая за этим месть³, убийство архиепископа Фолкуина Реймского в 900 г. вассалом графа Фландрского⁴ – всё это не столько симптомы присутствия в обществе насилия, сколько свидетельства нарушения системы обмена между элитами и королем⁵.

Каролингские мыслители развивали теорию власти, которая вовлекала суверена, короля милостью Божьей, и элиты в построение *ecclesia*, создавая образ иерархически организованного христианского общества, помещая короля во главе этого общества, мыслимого в рамках патриархальной модели и устремленного к порядку и миру. В этой политической системе отношения между королем и элитами были основаны на обмене дарами и на обоюдности интересов. Элиты были вовлечены в служение королю и управление вместе с королем, который ничего не мог без их содействия и верности, между тем как в конкурентной борьбе за богатство элиты нуждались в короле, чтобы сохранять и приумножать свои *dignitas* и *status*.

В середине IX в. рассуждения Дуоды отличаются от церковных текстов и выражают идеологию светских *principes*. И в самом деле, «Наставление» выражает важные нюансы в отношении политических теорий, касающихся королей, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, «Наставление» теснейшим образом связывает *status* элиты и наследство. Не ставя под вопрос иерархию и верховенство каролингской королевской власти, Дуода утверждает, что элиты получают свое место в обществе от предков, по праву рождения, то есть в конечном счете, от Бога, как и сами каролингские короли. Ее оправдательную речь могли бы подхватить все могущественные семьи каролингского времени, осознававшие, что их собственное происхождение было не менее знатным, чем у королев-

¹ *Ekkehard IV. Casus Sancti Galli*. Hannover, 1829. P. 84.

² *Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-IXe siècle)*. Essai d'anthropologie sociale. P., 1995. P. 88.

³ *Regino. Chronicon cum continuatione Treverensi*. Bd. 50. Hannover, 1890. P. 73.

⁴ *Ibid.* S. 149; *Floardo von Reims. Die Geschichte der Reimser Kirche*. Hannover, 1998. P. 402.

⁵ Другие примеры см.: *Le Jan R. Femmes, pouvoirs et société...* Ch. 10: Justice royale et pratiques sociales dans le monde franc au IXe siècle. P. 163 note 101. *Idem. Élités et révoltes...*

ской семьи, с которой они были связаны многочисленными брачными альянсами. Во-вторых, «Наставление» обуславливает верность королю тем, что тот, во имя справедливости, гарантирует статус. Утверждая, что элиты могли не хранить верность несправедливому королю, ставящему этот статус, то есть иерархию людей от природы, под сомнение, «Наставление» предвещало тот поворот, который произойдёт уже в конце IX в.¹

Список литературы

- Le Jan R.* Les élites carolingiennes et le roi au milieu du IXe siècle: statut et fidélité // *Völker, Reiche und Namen im frühen Mittelalter*. Paderborn, 2010.
- Annales de Saint-Bertin*. P., 1964.
- Tremp E.* Studien zu den Gesta Hludowici imperatoris des Trierer Chorbischofs Thegan. Hannover, 1988.
- Les élites au haut Moyen Age. Crises et renouvellement*. Turnhout, 2006.
- Les élites et leurs espaces*. Turnhout, 2007.
- Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100)*. Turnhout, 2008.
- Devroey J.-P.* Puissants et misérables. Système social et monde paysan dans l'Europe des Francs (VIe-IXe siècles). Bruxelles, 2006.
- Innes M.* Charlemagne's Government // *Charlemagne. Empire and Society*. Manchester, 2005.
- Airlie S.* Charlemagne and the Aristocracy. Captains and Kings // *Charlemagne. Empire and Society*.
- Brunner H., Schwerin C. von.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. München; Leipzig, 1928.
- Eberhardt O.* Via regia. Der Fürstenspiegel Smaragds von St. Mihiel und seine literarische Gattung. München, 1977.
- Jonas d'Orleans.* Le métier de roi (De institutione regia). P., 1995.
- Innes M.* Charlemagne's government. P. 80.
- Nelson J.L.* Kings with Justice, Kings without Justice. An Early Medieval Paradox // *La giustizia nell'alto medioevo (secoli IX-XI)*. Spoleto, 1997.
- Le Jan R.* Elites et révoltes à l'époque carolingienne. Crise des élites ou crise des modèles? // *Les élites au haut Moyen Age*.
- Idem.* Dhuoda ou l'opportunité du discours féminin // *Agire da donna. Modelli e pratiche di rappresentazione (secoli VI-X)*. Turnhout, 2007.
- Chaume M.* Les origines du duché de Bourgogne. T. 1. Dijon, 1925.
- Calmette J.* La famille de Saint Guilhem // *Annales du Midi*. № 18. 1906.

¹ См.: *De Jong M.* The Penitential State. Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814-840. Cambridge, 2009.

- Levillain L.* Les Nibelungen historiques et leurs alliances de famille // *Annales du Midi*. № 49. 1937. № 50. 1938.
- Bouchard C.B.* Those of my Blood. Constructing Noble Families in Medieval Francia. Philadelphia, 2001.
- Depreux Ph.* Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux. Sigmaringen, 1997.
- Dhuoda.* Manuel pour mon fils III, 2. P., 1997
- Capitulare de iustitiis faciendis (811-813). Hannover, 1883. № 80. C. 4.
- Thegan.* Gesta Hludowici imperatoris c. 36. Hannover, 1995.
- Settipani Ch.* La préhistoire des Capétiens 481-987, Première partie: Mérovingiens, Carolingiens et Robertiens. Villeneuve d'Ascq, 1993.
- De Jong M.* Power and Humility in Carolingian Society. The Public Penance of Louis the Pious // *Early Medieval Europe*. № 1. 1992.
- Airlie S.* Les élites en 888 et après, ou comment pense-t-on la crise carolingienne? // *Les élites au haut Moyen Age*.
- Mauss M.* Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // *Mauss M. Sociologie et anthropologie*. 8ème éd. P., 1999.
- Godelier M.* L'énigme du don. P., 1996.
- Testart A.* Critique du don. Etudes sur la circulation non marchande. P., 2007.
- Negotiating the Gift. Pre-modern Figurations of Exchange. Göttingen, 2003.
- Bougard F., Le Jan R.* Introduction // *Hierarchie et stratification sociale*.
- Binford L.R.* Mortuary Practices. Their Study and Their Potential // *American Antiquity*. № 26. 1971.
- Le Jan R.* La société du haut Moyen Age. P., 2003.
- Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen II, 21. Berlin, 1959.
- Reuter T.* Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society* 35. 1985.
- Weiner A.* Inalienable Possession. The Paradox of Keeping-While-Giving. Berkeley, 1992
- Laurançon-Rosaz Ch.* Le roi et les grands dans l'Aquitaine carolingienne // *La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne au IXe siècle*. Lille, 1998.
- Le Jan R.* Femmes, pouvoir et société dans le haut Moyen Age. P., 2001.
- Ekkehard IV.* Casus Sancti Galli. Hannover, 1829.
- Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-IXe siècle). Essai d'anthropologie sociale. P., 1995.
- Regino.* Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50. Hannover, 1890.
- Flodoard von Reims.* Die Geschichte der Reimser Kirche / Ed. M. Stratmann. Hannover, 1998.
- De Jong M.* The Penitential State. Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814-840. Cambridge, 2009.